

Прошел год со дня смерти Владимира Лакшина. Это был плохой год. Тяжелый, страшный. Потому что события происходили судьбоносные. Очень ясно представляю себе, что бы в тот или иной исторический момент сказал Владимир Яковлевич. Порой — почти кощунственно — думалось: «Хорошо, что он этого не видит...» Порой — с усмешкой: «Если бы он был жив, вот этого, например, события, скорее всего, не было бы...» Но все так, как есть. И это нужно принимать с достоинством, не суетясь, не мельтеша. Делать свое дело. Так жил Владимир Лакшин. Что ж, над нами пока еще «сумрак неминуемый», над ним уже — «ясность Божьего лица».

Виктория ШОХИНА

Марина Мурзина

In memoriam

ТОЛЬКО теперь, когда его нет, становится ясным, сколько он успел сделать. О деятельности Лакшина на радио (в литературно-драматической и детской редакциях) известно, быть может, менее всего. К счастью, сохранились записи — в Государственном литературном музее и в архивах радио. Это его выступления в московских музеях, где собирались вечерами — на Лакшина. Это его авторские передачи-уроки, предназначенные школьникам и педагогам, но не только им.

На основе этих записей на Радио-1 был создан цикл из десяти

передач — «Уроки Владимира Лакшина» (автор — Алевтина Кузичева, редактор — Татьяна Александрова): о Пушкине, Островском, Чехове, Толстом, Булгакове, Твардовском, Маршаке, В. Некрасове, Г. Троепольском, Ю. Трифонове... Последняя передача пройдет завтра, 27-го июля.

Своими огромными знаниями Лакшин делился всю жизнь — легко, охотно, со столь свойственной ему любовью и доброжелательностью. Это был для него ежедневный, ежеминутный труд (и в светских беседах он всегда был содержателем). Труд радостный и необходимый ему самому по складу его природы, но ставший таким же подвижничеством, скромным и упорным, как и его постоянные заботы о музеях, библиотеках, памятниках, как и его поездки в рус-

ЗВУЧАНИЕ ГОЛОСА

О радиоспекле «Уроки Владимира Лакшина»

Независимая газ. — 1994. — 26 июля. — С. 7.

скую провинцию. Как и его 17-летнюю писку со множеством людей — писателей, зрителей, поклонников, любителей словесности, чаще всего незнакомых ему лично — оставить письмо без ответа он просто не мог.

Лакшин схож с одним из своих «вечных спутников» — с Чеховым, так не любившим всяческие речи, «продлиннованные словоизвержения». Вспоминая о нем, хочется попасть в тон, в интонацию, а они то и подсказаны самим Лакшиным — теми передачами, где скромный и лаконичный комментарий Алевтины Кузичевой столь щедро дополняется голосом Лакшина.

«Для меня голос, само звучание голоса — половина впечатлений от человека», — писал Лакшин. И вот я слушаю его речь, плавную, живую, образную, с изысканным юмором и добротой, пронизывавшей у него все, будь то общение с любым человеком, рассказ о писателе-современнике или анализ творчества классика. Доброта — главное свойство уникального обаяния, магии этого человека.

И еще — дар общения. И приобщения. Он любил быть посредником в этом общении — и был им, умным, тактичным: между литературой и читателем, между самими писателями (вспомним его книгу о Чехове и Толстом). «... в основе всякого искусства — и литературы, и кино, и живописи, и театра — общение людей, человеческих душ, этот особый способ, вне рациональной логики, передать свои мысли и чувства другому человеку», — писал Лакшин.

Лакшин был истинным российским интеллигентом, аристократом, с его особой гордой статью и с органичным чувством внутреннего достоинства, чуждым всякой позы и фальши. Ему легко было убеждать людей — он воспринимался правомочным представителем русской культуры. Его порода и суть сходны с теми, о ком он повествовал. Повествовал вдохновенно, не чураясь популяризации. Повествовал влюбленно — ведь страстная влюбленность в жизнь, в людей, в искусство, в литературу и литераторов, в театр, в актеров составляла еще одно его свойство, и она была заразительной!

В одной из передач говорится о широчайшем «захвате нравственного влияния» Лакшина. И это влияние проявлялось очень конкретно, непосредственно. Как в его «теории рукопожатия»: один по-

жал, и так далее. Остается только посчитать, сколько рукопожатий отделяет — соединяет — тебя с Пушкиным. Лакшин умел приближать к нам людей и произведения и делал это так, как будто они написаны вчера, а он (и мы — через его рукопожатие) знакомы с ними лично, виделись вчера. Он, как никто, умел передавать свое собственное видение классики и классиков, органично попадая в такт их «легкому дыханию». Испытывая почти детскую радость от встречи с произведением, с героями, с автором, он умел нести и хранить в себе эту радость. И делиться ею. Дар педагога, дар рассказчика, и незаурядный актерский дар, неизменно доброжелательная интонация в сочетании с глубинными знаниями ученого без высокомерия (редчайшее, кстати, сочетание!) составляют феномен Лакшина в нашей культуре.

Так, как Лакшин, никто не умел вести застолье, даже самое разнос-

звание: Лакшин ушел, а нам еще долго чувствовать себя его учениками. Но главный его урок — само его существование, способ жизни, человеческий облик. В передаче цитируется письмо Лакшину читателя из Сургута: «Благодаря Твардовскому, «Новому миру», Вам я не лез в начальники по чужим головам, не хапал дармовых денег, не спился от безвыходности. Это не подвиг, но и это было трудно — сохранить в себе себя».

Его нравственное влияние проявлялось ненавязчиво, но оно очень сильно, и тем сильнее, чем далее уходит время его кончины. Я слушала — в который раз уже! — по радио знакомый голос Лакшина и думала так же, как он, когда вспоминал Твардовского: «какое горькое бессилие — так ясно видеть и слышать его сейчас, в эту минуту, как пишу эти строки — и не знать, как удержать, воскресить...»

«Трудно без Лакшина» — прос-

Михаил Ульянов, главный режиссер Липецкого театра Владимир Пахомов и Владимир Лакшин.

Фото Александра Козина.

тийное и бурное. Так, как Лакшин, никто не умел легко и непринужденно (без суровой печати пророка на челе) говорить о главном, о сути. Пафос он «снял» юмором, изысканной иронией приглушал патетику, и доброта переполняла все его рассказы и суждения. Я, например, просто не вспомню, чтобы о ком-нибудь говорил он дурно, с раздражением. «Браниться — только бесов тешить», — процитировал он народную мудрость, отвечая Александру Солженицыну (см. «Литературное обозрение» 1994,

той заголовок одной из статей, напечатанной вскоре после его смерти, очень точен именно в своей простоте. Вспомним и одну из любимых им цитат из «Братьев Карамазовых»: «Знай же, что нет ничего выше, и сильнее, и зрелее, и полезнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание». Сегодня Лакшин — это воспоминание, но — процитируем уже его самого: «...кто знает, быть может, когда мы говорим о совести, мы имеем в виду эту способность забывания, жгучей,

